

Е.А. Евтушенко (1933)

Притерпелость

*Перестройка будет такой, какимимы будемсами.
Будем половинчатыми – будетполуперестройка.*

1

Не помню, от кого и когда я впервые услышал это русским русское, трагически емкое слово. Но недавно это слово вновь напомнило о себе.

«Извините за подарочек, Евгений Александрович, но по нынешним временам – вещь драгоценная...» – сказала дальняя родственница моих домашних, ставя на первомайский стол пачку сахара, почти исчезнувшего. Это на семьдесят-то первом году Советской власти, это через сорок с лишним лет после войны! И вдруг я поймал себя на том, что радуюсь маленькой бытовой хищной радостью доставания, подменившей для многих из нас полноценную радость бытия. А женщина, подарившая мне сахар, вздохнула: «Вот до чего дожили... А ведь всему виной притерпелость наша проклятая...»

Точнее не скажешь.

В словаре Даля такого слова нет, и приводится только однокоренной глагол: «У кузнеца рука к огню притерпелась». Здесь в глаголе – уважение к терпению. Но если одна женщина спрашивает другую: «Ну как у тебя с мужем-то? Все пьет да бьет?» – а та отвечает, опустив глаза: «Да ничего, притерпелась», – то никакого уважения к своему терпению уже нет, а есть сплошная, ни на что не надеющаяся безысходность, подавляющая сила привычки.

Есть терпение, за которое стоит уважать, – терпение в муках рожающих матерей, терпение истинных творцов в работе, терпение оскорбляемых за правду, терпение пытаемых, не выдающих имена друзей... Но есть терпение бессмысленное, унижительное. Неуважение к своему терпению, переходящее в гражданский гнев, – это воскрешение личности или нации. Но страшно, когда неуважение к своему терпению превращается в отупелую притерпелость. Какое уж тут самоуважение! Да и как можно уважать самих себя, если мы ежедневно позволяем столько неуважительного к нам? Каждая очередь, каждый дефицит – это неуважение общества к самому себе.

Недостатки общества мы привыкли спасительно списывать на других, в частности на правительство. Сейчас мы, слава богу, заговорили не только о личной вине Сталина, но и о вине его ближайшего окружения за преступления против народа. Я не сторонник панически поспешного переименования всех городов и улиц, но все-таки не могу понять, почему, например, от дверей ЛГУ не может до сих пор отлипнуть надпись «имени Жданова», оскорбившего великих ленинградцев – Ахматову и Зощенко, и почему ни в чем не повинный Мариуполь должен носить это постыдное имя? А как я иду в Москве по проспекту Калинина, то невольно думаю о том времени, когда «всесоюзный староста» вручал в Кремле ордена, а его объявленная «врагом народа» жена, по свидетельству очевидца, выковыривала стеклышком вшей из швов рубах заключенных. Но давайте будем честными и признаемся, что перед лицом народа была виновата не только правящая кучка, но и сам народ, позволивший делать с ним все, что она хотела. Позволять преступления есть вид соучастия в них. А мы исторически привыкли позволять – притерпелись. Хватит и сейчас

все спихивать только на бюрократию. Если мы ее терпим – значит, нам поделом. По словарю Даля, одно из значений слова «терпеть» – это потакать. Притерпелость – это потакание, соучастие.

Возьмем кажущуюся «мелочь» – исчезновение сахара. Это, конечно, поправимо, и, возможно, ко дню опубликования статьи несладкая сахарная проблема будет решена. Но кто в ней виноват? ЦК? Совмин? Конечно, и они тоже. Но разве и не мы с вами? Разве не партия? Разве не народ? Сегодня мы притерпелись к исчезновению то одного, то другого продукта. Впрочем, можно ли удивляться этой притерпелости по столь сравнительно малому поводу, если еще вчера мы терпели исчезновение стольких людей? И вот из жизни исчезает крупнейший ученый, в расцвете сил покончивший самоубийством, а мы боимся вслух всенародно подумать: что же с ним случилось, почему мы его потеряли? Притерпелость к молчанию о причинах приводит к повторению следствий.

Разберемся хотя бы в причине того, почему сахар стал печально драгоценным подарком к Дню международной солидарности трудящихся.

Новое руководство, в отличие от предыдущих, остро осознало ключевое значение статистики в народном хозяйстве. Не пряча голову по-страусиному под крыло, наши руководители впервые бесстрашно взглянули в глаза цифровой правде об алкоголизме и его последствиях и ужаснулись. Было принято резкое, радикальное решение. Но справедливые эмоции, к сожалению, не были подкреплены дальнзорким, скрупулезно разработанным планом. Решили от чистой души, но поспешили.

Долг руководителей – служить народу. Но народ иногда забывает, что и его долг – помогать руководителям. Почему наша хваленая общественность не помогла правительству советом не спешить, не настояла на элементарном социологическом анализе, на всенародном обсуждении мер борьбы с алкоголизмом, прежде чем эти меры были приняты? Видимость обсуждения была организована по старинке, по методу рыбной ловли голосов в поддержку. Иногда я с горечью думаю: а что, если бы в первоапрельском номере «Правды» вышло постановление партии и правительства о борьбе против трезвости? Наверняка нашлись бы «верные солдаты партии», которые немедленно организовали бы «многолюдные митинги трудящихся» в поддержку сего «исторического решения». Было бы создано всесоюзное общество «Пьянство», и весьма возможно, что одним из его руководителей оказался бы скорехонько «перековавшийся» бывший трезвенник, как сейчас некоторыми руководителями в обществе «Трезвость» становятся якобы перековавшиеся алкоголики. Слова «непьющий», «морально устойчивый» оказались бы антирекомендацией при поездках за границу. Бравые инспекторы ГАИ с энтузиазмом взялись бы за отбирание водительских прав у всех шоферов, от которых не пахнет водкой. Воображаю товарищеские показательные суды над непьющими, доносы на членов партии, замеченных в аморальном употреблении боржома в ресторанах!.. Вся эта абсурдная фантазмагория, к сожалению, легко представима. Я уверен в том, что если в том же первоапрельском номере меня или кого-то другого назовут шпионом страны, скажем, Рикки-Тикки-Тави, то немедленно найдутся добрые люди, которые подтвердят это с патриотическим упоением. О, как глубоко укоренилась в нашем обществе притерпелость к перевертышам, хамелеонам, готовым подладиться под любое решение, идущее «сверху». Но и «верха» они не уважают и готовы предать любого, с этого «верха» падающего.

Чего, например, стоит напускающий на себя маститость литератор, который при одном партийном руководителе столицы подделывался под его консервативные взгляды, при другом – под его ультралиберальные, а сейчас на всякий случай подделывается под взгляды усредненно-скалькулированные – где-то между статьей Н. Андреевой в «Советской России» и критикой этой статьи в «Правде» (кто знает, куда еще повернет время).

«Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в подлости осанку благородства». Иногда и коллективные письма в поддержку перестройки некоторыми подписываются с тайной надеждой, что перестройка сорвется.

Первый метод торможения перестройки – саботаж под видом поддержки. Второй метод – это удушение объятиями.

Правильную в принципе идею борьбы с алкоголизмом задушили именно восторженными объятиями, сорвали фальшивым, лицедейским энтузиазмом, вместо того чтобы помочь всенародному серьезному думанию над серьезной хронической болезнью нашего общества. Хронические, застарелые болезни не лечатся оперативным вмешательством с наскока. Многие наши кампании и реформы рушатся потому, что мы подменяем постоянную общественную профилактику доморощенной социальной хирургией.

Парижские верхолазы в обеденный перерыв сидят на арматуре Эйфелевой башни, преспокойно запивают легким красным вином традиционный длинный батон с сыром и, представьте, не падают, и их не стягивает за ноги никакая профсоюзная или партийная организация, обвиняя в аморальности. Кавказские долгожители тоже пьют, но не «табуретовку», не «бормотуху», а натуральное чистое вино, и с гор в канавы не сваливаются. Профилактика алкоголизма, на мой взгляд, должна заключаться не в пуританской полицейщине, а в общем повышении культуры.

Бутылка «табуретовки», «бормотухи» может быть отравительницей. Бутылка хорошего вина может быть хорошей собеседницей. Но производство вина стали автоматически сокращать, нещадно вырубая драгоценные виноградные лозы. Алкоголизм, доходящий до общественно опасного состояния, надо лечить принудительно. Но у кого есть право отбирать у человека, который не алкоголик, его право на кружку пива после работы, на бокал натурального сухого или шампанского?

Все классики марксизма-ленинизма любили пиво.

Пушкин – шампанское.

Почему весь народ повально оказался заподозренным в алкоголизме и после других достаточно унижительных очередей вброшен в новые многочасовые очереди? Были дикие случаи исключения из комсомола за шампанское на свадьбах. Из фильма «Судьба человека» некоторые полуспятившие от общественного рвения прокатчики вырезали эпизод, где советский солдат выпивает стакан водки в знак презрения к гитлеровцам. Актерам не рекомендовали читать пушкинское «Поднимем бокалы, содвинем их разом!». Причина – наша притерпелось к бездумному выполнению любых решений. Но это только кажущееся выполнение. Бездумность выполнения – саботаж нового мышления. Есть и положительные результаты: покончили с «бормотухой», меньше пьяных, валяющихся на улицах. Но в очередях гибнут не только время и нервы людей, но и сами люди. Первые крутые меры сыграли положительную роль шоковой терапии. Но социальная шоковая терапия не может быть ежедневной в течение долгого времени – нервная система общества разрушается, появляется много непредугаданных язв. Бабушки,

продавая пару очередей в день по пятерке, получают зарплату докторов наук. Бутылка водки в ночном такси стоит уже четвертной. Государственная цена и так достаточно жестокая, а на нее еще накидывают и накидывают все те, кто греет руки на любом дефиците. Мало ли твердых дефицитов, чтобы добавлять еще и жидкий?

Все это страшным образом бьет не столько по самим пьяницам, сколько по их женам и детям, из-за дороговизны выпивки влачащим подчас полуголодное существование.

Борьба против алкоголизма подменена борьбой против легальной водки, легального вина, легального пива. Государственные водка и вино, значительно ухудшившиеся за последние годы, но все-таки более или менее проверенные, уступили место самогону, делаемому порой черт знает из чего, лосьонам, мозольной жидкости. Это будет иметь и уже имеет тяжелейшие генетические последствия. Каким будет ребенок, зачатый под антифриз? Сальвадору Дали было далеко до такого inferнального сюрреализма, когда сапожный крем намазывается на ломоть хлеба, когда дихлофос блаженно вдыхается под целлофановым мешком, наброшенным на голову, когда погружаются в нирвану при помощи клея «Момент».

Каюсь, продрогнув до самых костей на Камчатке, хватанул местного самогона из томатной пасты. На следующий день у меня раздуло суставы ступней от артрита так, что я чуть не выл, и доктор, спасая меня инъекцией гидрокортизона, поставил точный диагноз: «Наша фирменная томатовка». В бухте Провидения делают, на мой взгляд, лучшее в нашей стране пиво, не уступающее чешскому, но его по-ханжески, как и в других городах, заставляют сводить до минимума. В результате в прошлом году 7 ноября местный пограничный оркестр играл праздничные марши под аккомпанемент взрывающихся на подоконниках трехлитровых банок бражки, от чего вздрагивали соседские берега США. На Севере самые популярные люди – это обладатели спирта: вертолетчики и доктора. Соболиная шкурка стоит всего-навсего бутылку. Но спирт – редкость, вроде «Курвуазье», не только на Севере, но и по всей стране. Сколько драгоценного рабочего времени тратят сейчас наши врачи, обязанные выписывать рецепты на любую пустяковую микстуру или капли даже с крошечным содержанием спирта. Спиртовые или водочные компрессы запрещены к рекомендации. Как же можно удивляться, что сахар вдруг исчез? Он же должен был исчезнуть. И разве все общество в целом, все мы с вами, а не только правительство, не обязаны были это предусмотреть?

Обществу нужны не только впередсмотрящие, но и предусматривающие. Лишь то общество в полном смысле демократично, когда все оно – снизу доверху – ощущает правительством себя, а не верхушку, от коей все сначала раболепно ждут указаний и на которую потом сваливают вину за любые ошибки. Собственная трусливая безответственность – вот что скрывается под подхалимством беспрекословного исполнительства. Развитие творческой инициативы масс несовместимо с притерпелостью к инициативе только сверху. Насильственные понукания быть общественно активными довели наше общество своей тошнотворной дидактикой до иронической пассивности. Притерпелость к собственной пассивности, подавляя в зародыше потенциальную позитивную энергию многих талантливых людей, одновременно создает питательную среду для негативной энергии активничающих подлецов. Капитулянтский лозунг пассивности: «Я маленький человек, что я могу!» Но если ты оправдываешь свою трусость тем, что ничего не можешь, то не моги и

жаловаться, не моги и требовать! Не суй попрошайничающую руку, если ты не можешь сжать ее в кулак! Хватит бесконечных писем и протестов «наверх», пора перейти к письмам и протестам «вниз» – к самим себе, против самих себя. Убийцы перестройки среди нас. Мы убиваем перестройку нашей гражданской робостью, нашим выжидательством – чья возьмет...

Один крупный журналист пришел ко мне вчера, растерянный, нервничающий: «У вас хороший инстинкт... Что произойдет на партконференции?» В инстинкте моем он как раз ошибся. Был у меня хороший инстинкт, да вышел. Много раз я предполагал лучшее, а выходило худшее. Испортился мой инстинкт: на лучшее, конечно, надеюсь, но худшее на всякий случай предполагаю. Ненавижу я это в себе, а что поделать! Не я один такой – множество вокруг таких инстинктов, историей жестоко стукнутых. Но я ответил моему гостю так: «Что произойдет? То произойдет, какими мы с вами будем...» Перестройка будет такой, какими мы будем сами. Будем половинчатыми – будет полуперестройка.

Будем из гнилых лагерных досок строить – перестройка провалится.

Будем тянуть одеяло каждый на себя – перестройка окоченеет.

По отношению к перестройке я не беспартийный – я в партии перестройки.

Таких беспартийных членов партии перестройки – немало. Но надо признать горькую истину: многие члены партии – не в партии перестройки. Если член партии поддерживает или хотя бы полуподдерживает такие попытки повернуть историю вспять, как оправдание или полуоправдание преступлений сталинизма против народа, как новое обливание заткнуть кляпом рот гласности, то не след прикрываться идеологическими интересами. То, что делается в интересах собственных ускользающих кресел, – это не идеология, а креслеология.

Между перестройщиками и антиперестройщиками есть, к сожалению, немалочисленная группа, которую я назвал бы «нойщиками».

Это те, кто бесконечно ноет, что нет сахара и чего-то еще, но в то же время, не шевеля и пальцем, равнодушно взирает на то, как хотят задушить перестройку. Они хотят улучшения быта, но сведение всех гражданских чувств только к бытовому нытью может привести к тому, что быт так и останется разбитым корытом, из которого даже свиньи хлебать не смогут. Пора понять, что не существует отдельно перестройки материальной и политической. Не защищая демократию, нечего требовать демократии.

...Вот как поучительно обернулась наша Притерпелость в частном, но достаточно печальном случае, когда Первого мая 1988 года под звучащие в телевизоре с Красной площади лозунги перестройки я получил укоряюще редкий подарок – пачку сахара, как будто все еще продолжается война... война изнурительная, измотавшая нас... война не с кем-нибудь, а с самими собой..... В 1965 году по моей поэме «Братская ГЭС» репетировался спектакль в Театре на Малой Бронной. В поэме был кусок, начинавшийся так:

Прославлено терпение России.

Оно до героизма доросло.

Ее, как глину, на крови месили,

ну, а она терпела, да и все.

И бурлаку, с плечом, протертым лямкой,

и пахарю, упавшему в степи,

она шептала с материнской лаской

извечное: «Терпи, сынок, терпи...»

Сам я обычно читал эти стихи с некоторым жертвенно-романтическим энтузиазмом, восхищаясь долготерпением нашего народа, как подвигом. И вдруг замечательная актриса Л. Сухаревская на репетиции прочла этот кусок с ошеломившей меня язвительно-обвинительной интонацией.

Могу понять, как столько лет Россия,
терпела голода и холода,
и войн жестоких муки нелюдские,
и тяжесть непосильного труда,
и дармоедов, лживых до предела,
и разное обманное вранье,
но не могу осмыслить: как терпела
она само терпение свое?!

Две последние строчки я обычно читал с задыхающимся умиленным восхищением, а вот Сухаревская прочла их гневно, возмущаясь терпением как причиной многих бед в нашей истории. Актриса лучше самого автора поняла его стихи.

«Терпя и горшок надсядется», «Терпя и камень треснет» – едко, но метко говорят народные пословицы. Триста лет под татарами, триста лет под Романовыми выработали не только терпение героическое, кончавшееся взрывами народных восстаний, но и терпение холопское – притерпелость. Первой русской революцией, не называемой так, к сожалению, ни в каких учебниках, была отмена крепостного права. Но Россия была последней страной в Европе, отменившей крепостное право, и прыгнула в социализм из самодержавного феодализма, почти минуя опыт буржуазной демократии. Клопы феодализма и холопства в деревянных сундуках перебрались из лучинных изб в коммунальную квартиру социализма. Многие начальники вели себя как «красные феодалы», отобрав у крестьян не только землю, но и паспорта. Что знакомо пахивало крепостничеством. Нарушившая заветы Ленина о добровольности коллективизация при ее насильственном проведении была грубым попранием лозунгов «Земля – крестьянам», «Вся власть Советам». Обещанные райские врата оказались ловушкой. После того как жестоко обошлись с крестьянами, объявленными кулаками, уничтожая, ссылая туда, куда Макар телят не гонял, следующие массовые жестокости, фальшивые процессы уже стали входить в привычку. Образовалась притерпелость. Притерпелостей постепенно образовалось много – к репрессиям, к произвольным налогам, к насильственным подпискам на заем, к образу «лучшего друга советских физкультурников», к отбиранию семенного зерна, к превращению церквей в овощные склады, к «железному занавесу», к навешиванию оскорбительных ярлыков на ученых, композиторов, писателей, на целые научные направления и даже на отдельные науки, как, например, на кибернетику. Вырубались лучшие люди. Все походило на страшный сон, в котором злая банда, задавшись целью вырубить самых породистых лошадей, бродила ночами по конюшням, орудуя топорами. Лошади как вид выжили, но многие из них оказались лошадьми с психологией мышей. Нам еще многое нужно, чтобы восстановить нашу, понесшую такой урон, человеческую породу. Рабскую кровь сегодня надо не выдавливать по капле, а вычерпывать ведрами. Мы не можем позволить себе терпеть собственное терпение. Притерпелость – главный тормоз перестройки.

У Пастернака были такие строки:

Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.

Взаимоунижения, как клубок гадюк, вброшенный недоброй рукой во многие семьи. Гадюки хамства и грубости из таких квартир выползают на улицу, заползают в метро, сворачиваются кольцами на столах секретарш и прилавках продавщиц.

В такую «бездну унижений» превратился наш ежедневный быт. Сначала мы унижаемся, чтобы добыть квартиру. Наконец-то получив ордер на выстраданную квартиру, мы плачем от предремонтного унижения, когда ее видим. Мы унижаемся, охотясь в джунглях торговли за обоями, кранами-смесителями, унитазами, шпингалетами, и при виде какого-нибудь югославского плафона или румынского кресла-кровати в наших зрчках вспыхивают шерхановские искры, как в глазах тигра, вонзившего когти в долгожданную антилопу. Когда у нас рождается ребенок, мы унижаемся, выбирая ясли, детский сад, добывая соски, подгузнички, бумажные пеленки, детские колготки, коляску, санки, манежик. Мы унижаемся в магазинах, парикмахерских, в ателье, в химчистках, в автосервисе, в ресторанах, в гостиницах, в театральные и аэрофлотовских кассах, в фирме «Заря», в мастерских по ремонту телевизоров, холодильников, швейных машин, наступая на свое самолюбие, от заискиваний переходя к скандалам, от скандалов – снова к заискиваниям. Все время мы куда то протискиваемся, протыриваемся, что-то выклянчиваем, как жалкие просители, надоедливо раздражающие «владык мира сего». Иногда кажется, что в нашей стране все люди – это лишь служба сферы обслуживания.

Унизительно, что мы до сих пор не можем накормить себя сами, докупая и хлеб, и масло, и мясо, и фрукты, и овощи за границей. Талонная система во многих областях – стыдобища наша.

Унизительно, что мы до сих пор не можем хорошо одеть сами себя, гоняясь за иностранными тряпками. Одежда многих из нас – это как географический атлас. Но все «Кардены» и «Бурды» нас не спасут. Самим надо шить так, чтобы советский народ своими одеждами и обувью не срамился.

Унизительно, что мы до сих пор не имеем достаточно лекарств, чтобы лечить свой народ. Больно видеть ветеранов войны, которые приходят в аптеку, нацепив для внушительности все ордена и медали, а лекарств, указанных в рецептах, все равно нет. Страшно видеть мечущихся, как раненые птицы, из аптеки в аптеку матерей с рецептами своих детей и опускающих перед ними глаза фармацевтов. Нехватка лекарств – это предательство человеческих жизней.

Унизительна нехватка книг – предательство человеческого духа. Унизительна нехватка компьютеров – предательство современной технологии мышления. Унизительна «прописка» – искусственное прищипливание людей по определенным пунктам, несмотря на то, что Конституция гарантирует свободу передвижения. Но при географической неравномерности распространения элементарных благ прописка – увы! – спасительна, иначе Москва превратится в двадцатимиллионный город, но со снабжением, как в многострадальном Ярославле.

Унизительна не выполняющая Конституцию система выезда за границу, несмотря на все заверения в упрощении. Всем, кто хочет уезжать насовсем, надо открыть широкие ворота, за исключением особых, связанных с секретностью случаев. Держать людей насильно унизительно. Но не надо зачислять всех уезжающих во враги! И если они ничем не оскорбили родину, надо дать им возможность приезжать или вернуться насовсем. Почему бы всем гражданам СССР не выдавать на руки советские заграничные паспорта сроком, скажем, на три года с правом постоянного выезда в командировку, в туристическую поездку или по приглашению. Советский паспорт на руках сам по себе должен являться рекомендацией на поездку.

Но самое страшное, когда мы, униженные кем-то, сами в виде дешевой компенсации начинаем унижать других. Унижение других похоже на самый страшный вид наркомании.

Гласность – это объявленная война против «бездны унижений». Гласность – это война за социальное достоинство человека. Человек имеет право любить такую музыку, какую хочет, одеваться, как он хочет, стричься, как он хочет. Плюрализм социалистической гласности есть воспитание толерантности (терпимости). Но терпимость не должна стать притерпелостью ни к какому виду унижения человека человеком.

Антиперестройщики доносительно пытаются интерпретировать нашу молодую, но уже мужающую гласность как дискредитацию завоеваний социализма. Между тем гласность сама по себе есть завоевание социализма. В «Правде» был справедливо поставлен вопрос о культуре дискуссий. Дразги в стиле коммунальной кухни действительно вредят нашей литературе. Но борьба за культуру дискуссий ни в коем случае не должна перейти в борьбу против самих дискуссий. Точки зрения должны быть выявлены, а не замаскированы. Поэтому хорошо, что читателям стали известны разные точки зрения на сегодняшний общественный процесс, и среди них тезис о «некрофильстве» П. Проскурина, тезис о необходимости нового «Сталинграда» на нашем идеологическом фронте Ю. Бондарева.

В этом смысле мы должны быть благодарны и факту публикации статьи Д. Урнова о романе Пастернака «Доктор Живаго». Автор статьи, только что назначенный главным редактором теоретического журнала «Вопросы литературы», политически и художественно полностью перечеркивает роман, рискуя даже стихи из романа назвать «стилизацией расхожей поэзии того времени», а доктора Живаго сравнить с безнравственным ренегатом Климом Самгиным. Статья так говорит о любимом герое Пастернака: «А ведь доктора Живаго можно было бы припереть к стенке и загнать в угол». Странное впечатление производит эта статья – как будто напечатанная с опозданием на тридцать лет речь на собрании, где исключали Пастернака. Нет, времена, когда литературных героев и создавших их писателей припирали к стенке, прошли, и, я надеюсь, навсегда. Реабилитация Пастернака и многих других несправедливо опороченных граждан нашего общества необратима и не сможет обратиться в ре-реабилитацию. Нельзя отдать это великое завоевание гласности – нашу духовную перестройку.

Перестройка духовная и перестройка экономическая должны быть равными взаимогарантами. К сожалению, перестройка экономическая сейчас сильно отстает. Но ее тоже, как гласность, пытаются скомпрометировать, стреножить, запугивают, заматывают. В экономике, как и в литературе, тоже есть свои неприкосновенные «священные коровы», которые, притворяясь, что защищают

интересы народа, защищают свои стойла. Сегодня гласность должна помочь экономике как отстающей. А завтра, если гласности станет туго, ей поможет своим могучим плечом поднявшаяся экономика. Без личной инициативы, без крупных индивидуальностей невозможно идти вперед ни в гласности, ни в экономике. А пока «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах», гласность, как буревестник, «молнии подобный», будит гражданскую совесть народа.

В английском языке есть слово «имидж», в точном переводе означающее «образ», но не в поэтическом, а в политическом смысле. У каждого из кандидатов в президенты США есть целая команда психологов, социологов, политиков, которая работает над созданием его имиджа. Любая политическая система, любая страна тоже заботится о своем имидже. Конечно, ловко сконструированный имидж может быть или искусным гримом, или маской, скрывающей язвы.

«Железный занавес» между Востоком и Западом долгие годы создавал нашей стране имидж привлекательный и пугающий. Подвиг нашего народа в борьбе против Гитлера придал этому образу ореол героизма. Хрущевская оттепель добавила к этому ореолу светинки надежды на взаимопонимание народов. Страшная правда о сталинских лагерях, аресты диссидентов, злоупотребление психиатрией, высылка академика Сахарова, наши войска в Афганистане – все это, выстраиваемое в один ряд и раздуваемое определенным образом реакционной прессой Запада, работало на развеивание героического ореола, доводя дело чуть ли не до антихристового образа «империи зла». Однако сейчас благодаря мирным инициативам нашей страны по ядерному разоружению, гласности, демократизации нашей жизни этот «антихристов» образ рассыпался. Нам не нужны ни косметика, ни маска на нашем лице, чтобы понравиться иностранцам, втирая им очки. Конечно, хочется, чтобы наша страна привлекала симпатии человечества, но не за счет лжи, а за счет правды, которую она несет миру. Но прежде всего хочется, чтоб наша страна нравилась нам самим. Мы ее любим, гордимся ее культурными и революционными традициями. Но не все традиции бывают хорошими. Как дурную традицию надо отвергнуть несовместимое с перестройкой понятие – «притерпелость».

Литературная газета. 1988. 11 мая